

Из истории деятельности Русской православной церкви на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии (XIX — начало XX вв.)

© 2010

М. Волков

В статье описывается деятельность Русской православной церкви в отношении народов российского Дальнего Востока, миссионерская деятельность Владивостокской миссии в отношении корейцев, поселившихся в Южно-Уссурийском крае, а также в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги на территории Маньчжурии. Даже в тех условиях, когда прямая миссионерская деятельность на Дальнем Востоке оказывалась невозможной, православная церковь оставалась проводником духовной культуры русского народа в этом регионе.

Ключевые слова: Православие, православная миссия, Дальний Восток, Маньчжурия, коренное население, епархия.

Со времени Крещения Руси христианство в нашем отечестве проповедовалось не только русским, но и жившим в русских владениях и по соседству с ними другим народам.

Еще при князе Владимире велась проповедь Евангелия между финскими племенами ижора и корела. Русская православная церковь вела миссионерскую работу и в тяжелых условиях монгольского ига. Именно на тот период приходятся жизнь и труды великого миссионера и выдающегося просветителя, апостола зырян (коми) святителя Стефана Великопермского (XIV в.). Он фактически явился основоположником миссионерской проповеди малочисленным народностям России. Последующие православные миссионеры воспользовались как образцом выработанной святителем Стефаном программой миссионерского делания.

К началу XVIII в. усилиями казаков Россия расширила свои владения до берегов Тихого океана. Внимание православных миссионеров все больше обращалось на народы, населявшие вновь приобретенные земли Дальнего Востока. По берегам многочисленных дальневосточных рек строились зимовья для сбора даней с иноплеменников, остроги для защиты от их набегов и города. По зимовьям

ставились кресты или часовни, в острогах и городах строились церкви. В окрестностях новых поселений возникали монашеские обители. Первый монастырь на Амуре был основан в 1671 г. иеромонахом Гермогеном недалеко от Албазина. Им же, по некоторым сведениям, был основан монастырь и в пределах Маньчжурии на р. Кумаре, притоке Амура.

В 1620 г. была открыта Сибирская епархия в г. Тобольске, в ведение которой входил и дальневосточный регион. Однако долгое время миссионерская деятельность Русской церкви на Дальнем Востоке не имела планомерного и организованного характера. Ее оживление в начале XVIII в. стало возможным, главным образом, благодаря выдающимся личным качествам таких ревностных миссионеров, как митрополит Тобольский Филофей (Лещинский) (1650–1727) и святитель Иннокентий Иркутский (ок. 1680–1731), обративших, среди прочего, особое внимание на подготовку почвы для более широкой миссионерской деятельности среди монголов и китайцев.

С 60-х годов XIX столетия миссионерская деятельность Русской православной церкви приобрела планомерный характер: священные книги переводились на языки новой паствы, открывались школы, где дети новообращенных обучались на их родных языках, и т.п. Успеху этой работы во многом содействовало учреждение в 1865 г. Православного миссионерского общества. В числе первых его председателей особое место занимает митрополит Московский и Коломенский Иннокентий Вениаминов¹, известный своими миссионерскими трудами на Дальнем Востоке и Аляске. Центральное управление Общества объединяло всю миссионерскую работу Русской церкви и оказывало материальную поддержку отдельным миссионерским учреждениям. В 1896 г. в ведении Общества находилось 44 епархиальных миссионерских комитета².

Православная церковь, в частности, положила много трудов для обращения в христианство якутов и других народов, живших в пределах Якутской епархии. Большие труды на этом поприще понес архиепископ Иннокентий Вениаминов (впоследствии митрополит Московский и Коломенский), прибывший в 1853 г. в Якутск. Здесь он изучил якутский язык, перевел на него Евангелие и необходимые для богослужения книги.

Преемник владыки Иннокентия, епископ Якутский Дионисий (Хитров) (1818–1896), впоследствии епископ Уфимский, продолжил дело проповеди Православия якутам и тунгусам. Особенно много трудов положил он на перевод богослужебных книг. С этой целью им была учреждена Переводческая комиссия, которая переводила не только богослужебные книги, но и литературу религиозно-нравственного характера. Епископ Дионисий, изучивший в самом начале своей деятельности якутский язык, руководил работой Комиссии.

В XIX в. было завершено обращение в христианство якутов и тунгусов Якутской епархии. Якуты с большой любовью относились к своим храмам, где богослужение, в особенности по улусам, совершалось на их родном языке.

В границах тогдашней Якутской епархии, помимо 350 тыс. якутов и тунгусов, на крайнем севере жили чукчи, занимавшиеся оленеводством. Суровые климатические условия и необъятные пространства создавали для миссионерской деятельности чрезвычайные трудности. Путешествия миссионеров зачастую были сопряжены с опасностями для жизни. В какой обстановке приходилось действовать проповедникам Православия, прекрасно иллюстрирует следующий случай: одному миссионеру пришлось совершать венчание в чуме, который служил спальней; так как в этом помещении вследствие его малой высоты нельзя

было стоять, то священник, жених и невеста должны были опуститься на колени, а псаломщик, за невозможностью занять и такое положение, пел и читал во время совершения таинства полулежа³. Для проповеди Православия среди чукчей в Якутской епархии имелась Чукотская миссия, состоявшая из трех священников, четырех походных священников и одного псаломщика. В Якутске находилась второклассная миссионерская школа⁴. С 1911 г. по 1916 г. Якутской епархией управлял епископ Мелетий, впоследствии архиепископ Харбинский.

В Благовещенской епархии (до 1897 г. — кафедра епископа Курильского, Камчатского и Благовещенского) среди населявших ее гольдов (нанайцев), гияльков (нивхов), ороchon, тунгусов, негидальцев и самагирцев проповедовала Благовещенская миссия. Всего в епархии на рубеже XIX—XX вв. насчитывалось около 10 тыс. представителей коренных народностей. Большая часть их была окрещена. Наибольшую ревность к православной вере, как и в Якутской епархии, проявляли тунгусы. Остальные, приняв Православие, не оставляли и прежних своих верований. Большим влиянием у них пользовались шаманы, к которым они обращались во время болезни. Не порывая связи с шаманами как с лекарями, они невольно должны были совершать и остальные языческие обряды и таким образом становились двоеверами. Учитывая это, миссия завела походные аптечки. На средства миссии содержались 15 школ. В 1902 г. Благовещенская миссия состояла из начальника, 14 священников, 10 псаломщиков и четырех катехизаторов из представителей местного населения. Миссия вела благотворительную работу среди крещеных местных жителей, оказывая материальную помощь нуждающимся деньгами и необходимыми в их быту предметами.

Давнюю и непростую историю имеет проповедь Православия на Камчатке. Вскоре после открытия полуострова туда прибыл первый миссионер архимандрит Мартириан. Его деятельность продолжалась с 1705 по 1718 г., когда во время восстания камчадалов он был убит и брошен в р. Большую⁵. Преемником его в деле проповеди был казак Иван Козыревский, принявший в 1711 г. монашество с именем Игнатий. Он построил первую на Камчатке монастырскую пустынь на р. Николке, впадающей в р. Камчатку. Проповедуя Евангелие местным жителям, он также обучал камчадалов земледелию и огородничеству. Его миссионерские труды закончились в 1732 г., когда он был вызван в Москву и по постановлению Тайной канцелярии по неизвестной до настоящего времени причине лишен сана иеромонаха и монашеского звания. В том же году во время нового восстания камчадалов основанная о. Игнатием обитель была разграблена и сожжена⁶.

После этих событий активная проповедническая деятельность на Камчатке прекратилась на десять лет. В то время была широко распространена практика направления на Камчатку прощтрафившегося духовенства вместе с различного рода неблагонадежными людьми или просто преступниками, которые заселяли эту богатую землю. О религиозно-нравственном состоянии русского и коренного населения Камчатки спутник Беринга, доктор Штеллер, отзывался так: «Камчатская земля сугубо злостраждет, что же де надлежит до начал и действ, тоже многообразно. Едино зло есть язычество практическое, что сметенный сор российский, т.е. в ссылку сосланные, древних вин память нынешними обновляют и в деторождениях беззаконных распространяют... А кроме того главнейшей невежественной тьмы, крайнейшие или лучше сказать подлейшие пороки обретаются: пьянство неистовое, убийство, сребролюбие и свирепость в собрании, необузданное желание к расточению, прелюбодейство немногими во грех вменяется. Детям воспитания весьма нет. Одним словом заключить: земля оная, как пос-

ледняя в Азии, а по жителям ее истинно последняя: обманств и лжей бо едино место совокупление и всех зол сходбище”⁷. Такая ситуация чрезвычайно затрудняла проповедь Православия коренному населению, которое, взирая на русских, оценивало их веру по их жизни.

В 1743 г. под руководством архимандрита Иоасафа Хотунцевского начала свою деятельность Камчатская духовная миссия. Благодаря ее усилиям все население Камчатского полуострова, за исключением кочевников, было обращено в Православие. Было построено несколько церквей и часовен и открыто четыре школы для детей местных жителей. Миссия просуществовала только 18 лет, после чего надолго прекратила свое существование⁸.

Заслуга возобновления плодотворной миссионерской деятельности на Камчатке принадлежит упомянутому выше знаменитому русскому миссионеру Иннокентию Вениаминову. По своей инициативе еще в молодые годы священник Иоанн Вениаминов с семьей в 1823 г. отправился из Иркутска на Алеутские острова для проповеди Евангелия. Изучив на острове Уналашке алеутский язык и переведя на него Евангелие и молитвы, он построил там церковь и училище. В Ситхе ревностный миссионер изучил язык колошей и проповедовал им Православие. В 1838 г. он отправился в Петербург по делам своей миссии и подал записку об образовании на северо-восточной окраине России Камчатской епархии⁹. В Петербурге о. Иоанн, получив известие о смерти жены, постригся в монашество с именем Иннокентия. Его докладная записка была одобрена, и о. Иннокентий в 1840 г. был рукоположен во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Это был первый епископ самостоятельной Камчатской кафедры. За 27 лет своего пребывания на Камчатской, а затем на Якутской кафедре епископ Иннокентий объездил весь подведомственный ему регион с евангельской проповедью. Им лично и его помощниками Священное Писание было переведено на алеутский, курильский и якутский языки. Ревностный и неутомимый миссионер обратил ко Христу сотни тысяч местных жителей. Резиденция епископа Иннокентия находилась на Ситхе, поэтому он не мог уделять Камчатке столько внимания, сколько он уделял Аляске, но, тем не менее, его энергии и ревности к миссионерскому делу Камчатка обязана развитием проповеди Православия. Камчатская кафедра после отъезда из Ситхи епископа Иннокентия в 1853 г. прекратила самостоятельное существование и Камчатская область в церковном отношении управлялась из Якутска, а затем из Благовещенска и Владивостока (до 1916 г.).

Камчатская миссия была восстановлена только в 1912 г., т.е. через 150 лет после ее закрытия. Начальником миссии был назначен юный иеромонах Нестор (Анисимов). В первую очередь о. Нестор обратил внимание на необходимость открытия школ для камчадалов, но отсутствие средств лишало миссию возможности за первые три года сколько-нибудь наладить школьное дело. Лишь в одном из местных селений иеромонаху Нестору удалось создать школу, в которой обучалось 30 учащихся.

В 1914 г. о. Нестор созвал Камчатский миссионерский съезд, который открыл свою работу 18 февраля. Это было событие не только для миссии, но и для всего коренного населения края. В то время общение между камчатскими миссионерами было чрезвычайно затруднено. Благодаря миссионерскому съезду коряки в первый раз стали свидетелями торжественного соборного богослужения с участием диакона. Съезд велся на русском и корякском языках. Из доклада о. Нестора съезду можно судить о положении Православия на Камчатке. Крещенные коряки и тунгусы жили в двоеверии и даже в язычестве. Это явление объяс-

нялось тем, что жизнь многих из них протекала вдали от священников, большинство из них видело священнослужителя раз в год или даже несколько лет. Если тунгусы были крещены практически все, то православные коряки должны были жить среди своих некрещеных собратьев, из-за чего они больше были подвержены влиянию шаманов.

Для того чтобы приблизить православную проповедь к жизни коренного населения, о. Нестор начал в районах оседлой и кочевой жизни этих народов строить церкви, часовни, молитвенные дома, школы, миссионерские станы и походные миссии. Священнослужителям в их трудах содействовало учрежденное в 1910 г. Камчатское братство, которое собирало средства для миссии и знакомило русское общество с ее деятельностью. При посещении Петербурга о. Нестор заинтересовал императора Николая II деятельностью братства и миссии и получил пожертвования на их нужды. За пять лет на Камчатке было выстроено семь новых церквей и открыто восемь новых школ. К 1916 г. там было 35 церквей, 38 часовен со св. престолом и 42 школы¹⁰.

До указанного года Камчатская миссия находилась в ведении Владивостокской епархии. С 1899 г., когда были учреждены отдельные Благовещенская и Владивостокская епархии, последнюю возглавил архиепископ Евсевий, ранее, в 1897–1898 гг., занимавший в Благовещенске кафедру епископа Курильского, Камчатского и Благовещенского. Владыка Евсевий всемерно способствовал оживлению духовной работы в своей обширной епархии, особое внимание уделяя миссионерской деятельности: в частности, по его инициативе и было создано упомянутое выше Камчатское братство. Камчатку преосвященный Евсевий посещал дважды¹¹. В 1916 г. была вновь учреждена самостоятельная Камчатская епархия с назначением епископом Камчатским и Петропавловским начальника Камчатской миссии архимандрита Нестора. За время своей деятельности на Камчатке владыка Нестор привел ко Христу до трех тысяч местных жителей. Начавшаяся вскоре в России революция разрушила миссию.

Во Владивостокской епархии действовала Владивостокская миссия, главное внимание уделявшая югу Уссурийского края, где жили корейцы.

Их переселение в Южно-Уссурийский край началось в 60-х годах XIX столетия из-за частых неурожаев в пограничной с российскими пределами провинции Хамгён. От своего правительства жители этой провинции не получали ни поддержки, ни облегчения обременительных налогов, местное же чиновничество отягощало бедственное положение населения своим хищничеством и произволом. К тому же гонения на христианство со стороны корейского правительства в те годы заставляли корейских христиан и их родственников бежать из родных мест и искать новые земли¹². Посьетский участок Уссурийского края фактически никем не охранялся, земля там была плодородна и не заселена. Туда и двинулся поток корейцев с семьями.

В 1864 г. в Посьетском участке образовалось первое корейское поселение Тизинхэ из 135 дворов¹³. С каждым годом переселение из Кореи увеличивалось. Русскому правительству пришлось обратить внимание на новых поселенцев и прийти к ним на помощь: русская администрация помогала корейцам разместиться, устраивая на зиму, выдавала ссуды хлебом, принимала меры к предотвращению появления среди них заразных болезней.

Сначала российские власти не препятствовали переселению, так как пустующие тогда земли занимались мирными земледельцами. Но вскоре массовый приток корейцев в приграничный район озаботил правительство России, в планы

которого входило размещение там русских поселенцев. Поэтому в начале 70-х годов XIX в. русская администрация стала расселять корейцев в глубинных районах края и в Амурской области, где на одном из притоков Амура 500 корейских переселенцев образовали село Благословенное¹⁴. Подобные акции администрация проводила и в дальнейшем, но не могла этим остановить массовую миграцию из Кореи в Посыет. Русскому правительству пришлось наконец пойти на заключение соглашения с корейским правительством, согласно которому все корейцы, осевшие на русской территории до 25 июля 1884 г., были приняты в русское подданство и получили наделы в 15 десятин на семью, в то время как переселившиеся после этого срока должны были в течение двух лет ликвидировать свое хозяйство и вернуться на родину. Кроме того, корейцам разрешалось приходить весной на полевые работы с тем, чтобы после летних работ они возвращались в Корею¹⁵. Но и эти меры не были достаточно действенными, так как корейцы не хотели уходить из российских пределов, где они осели на плодородную землю и не знали притеснений, которые испытывали на родине. Это обстоятельство вынудило правительство приложить большие усилия к ассимиляции корейцев. Им было предоставлено крестьянское самоуправление, судились они по русским законам, для них стали заводить школы, среди корейцев начали активнее работать православные миссионеры. К 1 января 1898 г. в Приморской области насчитывалось 23 тыс. корейцев.¹⁶

Начало проповеди Православия среди корейцев было положено преосвященным Иннокентием Вениаминовым. Корейцы, осевшие на русской территории, для закрепления своего положения хлопотали о русском подданстве и выражали желание принять “русскую веру”¹⁷. Эти материального свойства побуждения к принятию крещения требовали особого труда миссионеров, стремившихся пробуждать в тех, к кому была обращена проповедь, искренний духовный отклик на нее.

Корейцы начали принимать Православие с 1865 г. Сначала из-за нехватки священников и в особенности миссионеров дело проповеди продвигалось слабо. Когда же в начале 70-х годов XIX в. епархиальной властью для проповеди среди корейцев были назначены два священника, иеромонах Валериан и протоиерей Иоанн Верещагин, то результат их деятельности оказался весьма значительным по числу обращенных: по прошествии двух-трех лет в крае насчитывалось уже 2 083 крещеных корейца¹⁸. Однако назначенные священники не знали корейского языка, а новокрещеные, недавние выходцы из Кореи, вряд ли могли понимать с достаточной полнотой проповедь на русском языке основ православного вероучения. Хороших же переводчиков тогда еще не было. Успехом своей проповеднической деятельности оба упомянутых священника в большой мере были обязаны желанию корейцев сделаться русскими по подданству и вере. Для удовлетворения религиозных потребностей новокрещеных корейцев открывались часовни (первая в 60-х годах). В 1882 г. был открыт для работы среди корейцев Янчихэнский стан с церковью, а в следующем 1883 г. в церковь, воздвигнутую по инициативе и на средства крещеных корейцев в Суйфуне, был назначен отдельный священник-миссионер, там был открыт первый корейский приход.

Корейцы, стремившиеся сначала принимать христианство из побуждений чисто практического свойства, вскоре стали проникаться подлинным христианским духом. Первые миссионеры обычно оставались на своих местах недолго, но, тем не менее, они оказали на корейцев значительное влияние. Среди миссионе-

ров, оставивших по себе особо теплую и благодарную память, о. Александр Быстрицкий, о. Петр Лихоцкий, о. Михаил Телятьев и о. Александр Новокшенов¹⁹.

Корейцы с большой охотой шли навстречу нуждам миссии и оказывали существенную материальную поддержку постройке церквей, школ и зданий для помещения станов. Они быстро овладевали русским языком, посылали своих детей в школы.

В 1904 г. в Южно-Уссурийском крае существовало девять миссионерских станов, при которых имелись церкви и школы. В 1903 г. было крещено 278 корейцев. По состоянию на 1904 г. из 15 024 корейцев, проживавших в районах миссионерских станов, православными были 8 664 человека. Церковно-приходских школ в указанном году насчитывалось 15 (из них две женских двухклассных), столько же школ грамоты; обучалось во всех этих школах 933 мальчика и 149 девочек. Кроме того, в корейских поселениях Министерство народного просвещения содержало одно двухклассное и одно одноклассное училища, в которых обучались 138 человек. Корейцы обычно к казенному жалованию учителей по своему желанию добавляли вознаграждение из средств волостей, так что учителя школ в корейских поселках были хорошо обеспечены. Корейцы не скупились в средствах и на постройку школ²⁰.

Начало новому этапу проповеди Православия среди корейцев положила русско-японская война, ставшая причиной роста притока корейских переселенцев в Россию. К 1911 г. во Владивостокско-Камчатской епархии проживало до 100 тыс. корейцев (только во Владивостоке их было более 10 тыс.)²¹. Хотя в корейских селениях епархии к этому времени существовало уже 30 миссионерских приходов и школ, нужды всех корейцев, тянувшихся к Православию, было очень сложно удовлетворить. В этих условиях архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий ходатайствовал перед Св. Синодом о назначении в его епархию викарного епископа с возложением на него специальной задачи — заведования делами епархиальной православной миссии среди корейцев.

В 1910 г. в Иркутске состоялся общесибирский миссионерский съезд, который рекомендовал для улучшения работы корейской миссии назначить ее начальником самостоятельного епископа. В 1912 г. Св. Синодом с соизволения императора было учреждено новое викариатство во Владивостокско-Камчатской епархии с наименованием нового епископа Никольск-Уссурийским и с назначением ему места пребывания во Владивостоке. Тогда же 14 июня 1912 г. император Николай II утвердил предложение Св. Синода о назначении епископом Никольск-Уссурийским, викарием Владивостокской епархии начальника Сеульской духовной миссии в Корее архимандрита Павла (Ивановского)²².

В 1913 г. во Владивостоке прошел первый епархиальный миссионерский съезд. С того времени, благодаря усилиям владыки Павла, проведение подобных миссионерских съездов стало ежегодным, что позволило поднять проповедь Православия на качественно новый уровень. Так, был создан переводческий комитет, в число членов которого вошел известный кореевед, профессор владивостокского Восточного института Г.В. Подставин. Комитет перевел и издал почти полные Служебник и Требник, пересмотрел прежние издания, составил духовные листки с проповедями.

В 1914 г. епископ Никольск-Уссурийский Павел обратился к приамурскому губернатору Н.Л. Гондатти с просьбой об открытии во Владивостоке трехгодичных высших миссионерских курсов и о выделении из государственного казначейства средств для поддержки миссии по обращению в Правосла-

вие корейцев в пределах Владивостокской епархии. В 1914 г. по инициативе епископа Павла был учрежден епархиальный Миссионерский совет, председателем которого он стал²³.

В июне 1916 г. состоявшийся во Владивостоке четвертый миссионерский съезд учредил одну стипендию и две полустипендии для лучших корейцев-учащихся Владивостокской церковно-учительской семинарии (при архиерейском доме в тогдашнем пригороде Владивостока на Седанке), с условием после окончания курса прослужить в корейской миссии не менее пяти лет²⁴. На том же съезде было принято решение просить члена миссионерского комитета профессора-корееведа Г.В. Подставина составить исторический очерк о деятельности корейской миссии за 50 лет. Однако эти начинания по причине революционных событий реализовать не удалось.

Миссионерская деятельность Владивостокской миссии в Южно-Уссурийском крае имела большое значение для проповеди Православия в пределах самой Кореи. Крещенные во время жительства в этом крае корейцы, впоследствии встреченные в Сеуле начальником Православной миссии в Корее архимандритом Хрисанфом, явились ядром православной паствы в этой стране, служа посредниками между миссионерами и своими некрещеными собратьями.

К концу XIX в. относится и начало деятельности Русской православной церкви в полосе отчуждения Китайской восточной железной дороги на территории Маньчжурии. В 1897 г. протопресвитер Военного и Морского духовенства назначил на должность священника Охранной стражи КВЖД о. Александра Журавского, который приехал в Харбин в июле 1898 г. Это был первый священник в полосе отчуждения. По прибытии в поселок Сунгари (так тогда назывался Харбин) о. Александр приступил к работе по устройству первой в Харбине и всей Маньчжурии походной церкви святителя Николая. Освящение церкви было совершено в марте 1899 г. В следующем году была выстроена прекрасная церковь в древне-вологодском стиле из выпиленной из Америки для нужд дороги арагонской сосны. Эта церковь во имя святителя Николая, воздвигнутая в центре Нового Харбина, впоследствии стала кафедральным собором. В это время в Харбине было уже три священника Охранной стражи. В конце того же 1900 г. были назначены еще три священника Охранной стражи: в г. Дальний, для обслуживания религиозных нужд отрядов стражи, расположенных в Инкоу и Телине, и на западную линию.

В январе 1901 г. Охранная стража была переформирована в Заамурский округ Отдельного корпуса Пограничной стражи, и все священники были переведены в округ. В конце этого года священник Александр Журавский распоряжением протопресвитера Военного и Морского духовенства был назначен благочинным.

Духовенство в Маньчжурии было предназначено для обслуживания религиозных нужд чинов корпуса и попутно железнодорожников и поэтому являлось военным, подчиненным протопресвитеру. Между тем, с ростом населения станционных поселков начались постройки церквей на линии железной дороги²⁵ и образовались крупные русские поселения, состоявшие не только из железнодорожников и их семей, но и прибывших сюда для занятий промыслами, торговлей и прочими видами деятельности русских православных людей самых различных профессий. Для окормления этой паствы необходимо было духовенство и более или менее обычная для русского населения организация церковной жизни.

Указом Св. Синода от 29 мая 1903 г. на имя начальника Российской духовной миссии в Пекине, епископа Переяславского Иннокентия православное духовенство и православное население Северной Маньчжурии в церковном отношении было подчинено названному епископу. Указ почти совпал по времени с принятием дороги в эксплуатацию, что произошло 1 июля того же года. С началом эксплуатации изменилось и правовое положение духовенства на дороге, так как священники были объявлены приказом состоящими на службе КВЖД по Церковному отделу.

В октябре 1903 г. епископ Иннокентий объехал свою новую паству, торжественно встречаемый населением и войсками, совершая богослужения в храмах, а где их не было — в помещениях вокзалов. В ходе поездки епископ Иннокентий совершил освящение построенных в поселках при станциях четырех церквей и школ²⁶. Несколько священников, не пожелавших перейти в ведение начальника Пекинской миссии, оставили службу и уехали в Россию. В их числе был и первый священник, прибывший в Маньчжурию, о. Александр Журавский.

Епископ Иннокентий для удовлетворения религиозных нужд православных железнодорожников в наиболее крупных населенных пунктах решил открыть подворья Пекинской миссии, для чего ему были отведены земельные участки в Харбине, Хайларе и Маньчжурии. В Харбине и Маньчжурии были открыты подворья с храмами в том же 1903 г., в Хайларе же подворье было открыто только в 1928 г., уже после создания Харбинской епархии.

В целях повышения религиозно-нравственного уровня православного населения и устройства приходской жизни на строго церковных началах, а также для оказания различного рода помощи нуждающимся епископом Иннокентием было учреждено Братство Православной церкви в Китае, отделения которого были основаны при каждом приходе. Особо энергичную благотворительную и религиозно-просветительскую деятельность Братство осуществляло во время русско-японской войны. Ему пришлось иметь дело преимущественно с ранеными и больными воинами и их семьями, проживавшими в Маньчжурии. Для попечения и удовлетворения их нравственных и материальных нужд при Братстве был создан специальный Комитет. В Харбине этим Комитетом был построен барак при подворье Пекинской миссии и в нем устроена больница на 20 коек. Она просуществовала 15 месяцев и была закрыта 20 октября 1905 г. Отделение Братства при Св. Николаевской церкви оказывало материальную помощь русским пленным, перевода в Токио собиравшиеся для этой цели деньги.

С увеличением русского населения в Маньчжурии строились новые православные храмы. В 1907 г. был возведен первый нежелезнодорожный храм на Пристани во имя Святой Софии Премудрости Божией, здание которого было пожертвовано 4-й стрелковой дивизией, построившей его для своего храма в Корпусном городке на время пребывания в Харбине. Церковное здание было перенесено на новое место и в короткий срок установлено в реставрированном виде, но с новыми куполами и колокольной. Ровно через 20 дней после закладки состоялось освящение этого первого в Харбине приходского храма. В храмостроительстве наряду с Управлением дороги и Заамурским округом Отдельного корпуса Пограничной стражи принимало участие и русское население.

В августе 1907 г. указом Святейшего Синода духовенство и церкви полосы отчуждения КВЖД были переданы в ведение Владивостокской епархии.

Заложенные начальником Пекинской духовной миссии епископом Иннокентием храм на Новом кладбище и Иверский²⁷ были освящены архиепископом

Владивостокским и Камчатским Евсеем. Увеличивавшееся русское население железнодорожных поселков и выросавших из них городов нуждалось в новых храмах. В Коммерческих училищах была устроена и освящена в 1910 г. домовая церковь с прекрасным иконостасом. В 1912 г. была перенесена из поселка Алексеевка в разраставшийся поселок Модягоу деревянная церковь, при которой образовался второй нежелезнодорожный приход. Росло постепенно и число церквей на линии. В 1911 г. с учреждением должностей четырех “отрядных” священников Заамурского округа было организовано второе благочиние, в ведение которого поступили устроенные военными частями молитвенные дома на станциях Эрцендянцзы, Хинган и Куанченцзы, кроме храмов Иверского, Старо-Харбинского и Госпитального²⁸. Трое новых священников имели резиденциями соответственно Старый Харбин, ст. Фуляэрти и ст. Эхо, где был молитвенный дом. Таким образом, в первое благочиние, кроме железнодорожных церквей, входили два приходских храма (нежелезнодорожных), в то время как второе благочиние ведало всеми военными церквями.

Февральская (1917 г.) революция в России отозвалась и в церковной жизни Маньчжурии. В 1917 г. было допущено широкое участие мирян в церковно-приходской жизни. С утверждения епархиальной власти был учрежден Временный маньчжурский окружной церковный совет из шести выборных членов (три от духовенства и три от мирян), председателем которого являлся выбранный окружным собранием благочинный. Окружные собрания состояли также из духовенства и мирян. При церквях были созданы приходские советы. Как и по всей России, начал применяться принцип выборности духовенства. Все это закончилось лишь после получения Определения Священного Собора об управлении Православной Российской церковью и о православном приходе. 22 сентября 1918 г. на окружном съезде духовенства и мирян был избран Окружной благочиннический совет, председатель которого являлся одновременно заведующим Церковным отделом Управления КВЖД. В соответствии с приходским уставом были проведены перевыборы приходских советов.

В тот период Православная церковь в полосе отчуждения окормляла православную паству, состоявшую в большинстве из железнодорожников и членов их семей. Специальной миссионерской проповеди среди местного населения не велось. Подворья Пекинской миссии также не занимались миссионерской работой. Однако под влиянием православного богослужения многие местные жители обращались в Православие.

С 1919 г. характер населения Харбина и линейных поселков начал меняться. Появились беженцы, оседавшие в разных пунктах в зависимости от различных обстоятельств: материальных соображений, знакомств, профессии и т.д. Начался новый, беженский период в жизни края, незаметно и постепенно перешедший в эмигрантский. Прибывшие в Маньчжурию тысячи новых людей разных специальностей и профессий, иногда со средствами, как владельцы разнообразных промышленных и торговых предприятий, создали оживленную деловую атмосферу в крае. Вместе с беженцами прибывали и священнослужители. Харбинское духовенство радушно встречало своих собратьев. Большинство из прибывших священников было задействовано в качестве помощников местного духовенства. Оживилась церковно-приходская жизнь. Богослужение стало совершаться торжественнее, часто соборно. Прекрасные хоры украшали службы. Дорога оказывала большое внимание и существенную поддержку храмам. Железнодорожное духовенство с 1921 г. получало высокие оклады.

В 1921 г. было упразднено благочиние военных церквей, так как в предшествовавшем году все военные церкви с духовенством перешли в ведение дороги в связи с расформированием Охранной стражи, которая была организована в 1915 г. вместо ушедших на войну частей Заамурского округа. Все духовенство в Маньчжурии было объединено в 13-е благочиние, в ведении которого состояло железнодорожное духовенство и причты двух приходских церквей²⁹. Исключение составляли духовные лица двух подворий Пекинской миссии — в Харбине и Маньчжурии.

Многочисленность духовенства и наличие храмов во всех наиболее населенных пунктах полосы отчуждения КВЖД являлись благоприятными обстоятельствами в деле окормления многотысячной беженской паствы. Не так дело обстояло в Трехречьи, как был назван район русского расселения по территории, омываемой тремя притоками реки Аргунь — Ганом, Дербулом и Халом. В этот безлюдный и относительно безопасный край ушли несколько тысяч забайкальских казаков, в большинстве жители прибрежных аргунских станиц. Казаки переселились вместе со своими семьями, поселились хуторами и занялись сельским хозяйством. Осев в Трехречьи вдали от железной дороги и, следовательно, от русских поселений, где имелись церкви и духовенство, они вскоре обратились в Российскую духовную миссию в Пекине с просьбой принять их в свое ведение и прислать им священнослужителя. Просьба их не имела никакого результата, и казаки даже не получили никакого ответа. Тем не менее, в 1920 г. в Трехречьи были построены две церкви в самых крупных поселках: Покровская в Верх-Кули и Петропавловская в Драгоценке. Это были первые храмы, воздвигнутые беженцами, построенные в поселках земледельцев на их иждивение. В 1921 г. были построены церкви на ст. Эхо и в Сахалине, расположенном на маньчжурском берегу Амура против Благовещенска. Этот маньчжурский город являлся ближайшим пунктом для беглецов с советского берега Амура, откуда часть беженцев следовала дальше по линии дороги, а часть оседала в самом Сахалине.

В Харбине беженцы заселяли окраины города. В большом количестве они селились в Корпусном городке, где в 1921 г. была построена первая Спасопреображенская церковь.

В феврале 1920 г. в Харбин прибыл архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов), а в августе того же года епископ Читинский и Забайкальский Мелетий (Заборовский). Среди беженцев было немало крупных церковно-общественных деятелей.

Владивостокской епархиальной власти, в ведении которой находилась полоса отчуждения КВЖД, было уже трудно уделять достаточно внимания церковным делам Маньчжурии. Ход событий в Приморье свидетельствовал о том, что этот последний оплот белого движения долго не продержится. Политическое положение его было крайне неустойчиво. Вся область превратилась в театр военных действий. Связь с Владивостоком нередко прерывалась. В Харбине же были налицо все условия для нормальной церковной жизни. Вполне естественно, что к началу 1922 г. в руководящих церковных и общественных кругах Харбина зародилась мысль о необходимости создания самостоятельной Харбинской епархии. Эту мысль одобрил бывший тогда управляющим КВЖД инженер Остроумов, обещавший новой епархии материальную поддержку со стороны дороги. Совместно с ним группой православных людей³⁰ было возбуждено ходатайство перед Высшим церковным управлением за границей об учреждении самостоятельной

Харбинской кафедры с местопребыванием епископа в Харбине и о назначении на нее архиепископа Оренбургского и Тургайского Мефодия.

Архиепископ Мефодий был хорошо известен беженцам Забайкальской, Томской и Оренбургской епархий, которыми он последовательно управлял. Они составляли значительную часть беженцев, поселившихся в Харбине. Приглашенный приходским советом Св. Николаевского собора для воскресных и праздничных богослужений, архиепископ Мефодий вскоре стал известен старожилам Харбина и заслужил уважение православного населения города.

Высшее русское церковное управление за границей, заслушав ходатайство управляющего КВЖД и его помощника, постановило: “1) ввиду особого исключительного положения, в котором находится полоса отчуждения Китайской восточной железной дороги в церковно-административном и политическом отношении и ввиду полного прекращения связи с Святейшим Патриархом Всероссийским и высшими церковными органами и нарушенных сношений с кафедральным городом Владивостоком, где проживает епископ Владивостокский Михаил, в юрисдикции которого находится полоса отчуждения Китайской восточной железной дороги, учредить временно, в пределах полосы отчуждения Китайской восточной железной дороги, самостоятельную епископию с кафедрой в гор. Харбине; 2) назначить на Харбинскую епископскую кафедру проживающего в Харбине Высокопреосвященного Мефодия, архиепископа Оренбургского, с наименованием его архиепископом Харбинским и [пропуск]³¹, предписав ему организовать при себе временное Епархиальное управление”³². О своем постановлении Высшее русское церковное управление за границей уведомило архиепископа Мефодия и епископа Владивостокского Михаила указом от 16/29 марта 1922 г.

Указом за № 328 от 19 августа / 1 сентября 1922 г. Высшее русское церковное управление за границей сообщило об утверждении титула епископа Харбинской епархии (“епископ Харбинский и Маньчжурский”) в соответствии с ходатайством архиепископа Мефодия и представленных им членов временного Епархиального совета³³.

Архиепископ Мефодий о своем назначении на вновь учрежденную Харбинскую кафедру сообщил епископу Владивостокскому Михаилу и управляющему КВЖД. Управляющий дорогой издал приказ № 148 от 30 июня 1922 г. следующего содержания: “Высокопреосвященнейший Архиепископ Мефодий уведомил меня, что с благословения Святейшего Патриарха Тихона он назначен Архиепископом Харбинским и Маньчжурским. Об этом объявляю по дороге для сведения”³⁴.

Действительно, есть сведения о том, что благословение Святейшего Патриарха было получено — в ответ на доклад архиепископа Мефодия, посланный в Москву с преданным церкви человеком. Доклад был записан мельчайшим почерком одним из харбинских регентов на небольшом клочке бумаги, который был затем зашит в подошву сапога отъезжавшего. От Святейшего Патриарха архиепископ Мефодий получил ответную телеграмму, содержавшая одно слово — “благословляю”. Имеются и документальные данные, свидетельствующие об официальных контактах патриарха Тихона с Харбинской епархией; таким образом, если и не формальное разрешение, то частное согласие Святейшего на создание епархии имелось. О поддержке новой кафедры с его стороны свидетельствовали и ответы на телеграммы члена первого состава харбинского Епархиального совета проф. Н.И. Миролюбова, который жаловался на якобы неправильные действия Заграничного архиерейского синода. Ответные телеграммы от Патриарха гласи-

ли: “Члену Епархиального совета Миролюбову Харбин. Держитесь постановлений Собора 1918 года Патриарх Тихон”; вторая: “Харбин Члену Епархиального совета Миролюбову. Подпись телеграммы подтверждаю патриарх Тихон”³⁵.

“Отвечая Н.И. Миролюбову как члену харбинского Епархиального совета, — заключает архиепископ Мефодий, — Патриарх утвердил свое признание харбинского Епархиального совета как законного церковно-административного органа, а следовательно, утвердил свое признание и канонического существования Харбинской епархии”³⁶. По окончании Епархиального собрания Святейшему Патриарху от имени правящего архиерея и Епархиального собрания была послана телеграмма с извещением о перевыборах членов собрания и просьбой молитв и благословения. Приводя эту и цитированные выше телеграммы, архиепископ Мефодий делал закономерный вывод о том, что “акт официального сношения Харбинской епархии с почившим Патриархом свидетельствует, что Патриарх фактически признавал каноническое существование Харбинской епархии”³⁷.

Хотя Харбинская епархия специально не занималась миссионерской деятельностью, тем не менее через общение с верующими, смешанные браки представители местного китайского и маньчжурского населения приобщались к Православию. Чрезвычайно важное значение в деле евангелизации имело православное богослужение. Местные жители нередко, особенно в беде, обращались с молитвой к Богу христиан, Богородице и православным святым. Исключительным почитанием пользовался Святитель Николай. Всему Харбину стала известной молитва утопавшего в Сунгари маньчжура, который воззвал о помощи к “старикву вокзала”, т.е. Святителю Николаю, икона которого стояла на вокзале Харбина³⁸. Получил широкую огласку и случай спасения Св. Николаем мальчиков-маньчжуров, игравших на откосе, когда неизвестно откуда явившийся старец приказал этим детям немедленно уйти с того места, где они играли, и которое тотчас же по уходе их было засыпано обвалившимся откосом. Мальчики, будучи случайно в православной церкви, узнали своего спасителя по иконе.

Когда в 1932 г. ввиду беспокойного времени не был разрешен крещенский крестный ход на р. Сунгари для совершения водоосвящения, и потом произошло страшное наводнение, местные жители объясняли это несчастье тем, что вода не была освящена православным духовенством, как это бывало с начала существования Харбина. Крестный ход на следующий год был встречен местным китайским и маньчжурским населением с радостью и уверенностью в том, что бедствие не повторится³⁹. Даже в тех условиях, когда прямая миссионерская деятельность на Дальнем Востоке оказывалась невозможной, Православная церковь оставалась проводником духовной культуры русского народа в этом регионе. И в самые трудные для Церкви годы православные священнослужители с честью выполняли пастырский долг, совершая свое дело, подобно апостолу Павлу, “в труде и изнурении, часто во бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе” (Ап. Павел, II Послание к Коринфянам, 11, 27), духовно окормляли и утешали большое число наших соотечественников, лишившихся родины и привычного жизненного уклада.

-
1. Прославлен в лике святых Русской православной церковью 23 сентября 1977 г.
 2. См.: Миссионерские общества в России // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб. 1896. Т. 19, кн. 37.

3. Двадцатипятилетнее святительское служение на ниве Христовой Церкви Высокопреосвященнейшего Мелетия Архиепископа Харбинского и Маньчжурского. Харбин, 1934. С. 27.
4. Миссионерские общества в России 37. В соответствии с “Правилами о церковно-приходских школах” от 13 июня 1884 г. все находившиеся в духовном ведомстве школы получили официальное название “церковно-приходские”. Школы открывались приходскими священниками с утверждения епархиальных архиереев и могли быть одноклассными (с двухгодичным обучением; с 1903 г. добавился 3-й год обучения) и двухклассными (четырёхгодичными, с 1905 г. добавился 5-й год обучения). Двуклассная школа служила для приготовления учителей из крестьянских юношей для школ грамотности. С этой целью с 1896—1897 учебного года начали открываться так называемые второклассные школы (1-й и 2-й класс двуклассной школы с присоединением годичного учительского курса). В 1902 г. второклассные школы были отнесены к разряду “учительских”, при которых существовали специальные одноклассные школы для практической подготовки воспитанников к преподаванию.
5. *Архиепископ Нестор*. Моя Камчатка // *Фомин С.* Божией милостью архиереев Русской церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002. С. 360.
6. Там же. С. 362.
7. *Архиепископ Нестор*. Камчатка. Харбин, 1936. С. 12. Текст харбинского издания мемуаров владыки Нестора более полон в сравнении с указанным выше московским изданием.
8. *Архиепископ Нестор*. Моя Камчатка. С. 365.
9. Иннокентий Вениаминов // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб.: 1894. Т. 13, кн. 25.
10. *Архиепископ Нестор*. Камчатка. С. 21.
11. *Архиепископ Нестор*. Моя Камчатка. С. 371.
12. *Иеромонах Павел (Ивановский)*. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // История Российской духовной миссии в Корее. Сб. ст. М.: 1999. С. 118.
13. Там же.
14. Там же. С. 119.
15. Там же. С. 120.
16. Там же. С. 122.
17. Тот факт, что из селившихся на Дальнем Востоке мигрантов из-за рубежа корейцы пользовались преимущественным вниманием миссионеров, объясняется тем, что корейцы с самого начала их переселения (правда, только те из них, кто приобретал оседлость) считались русскими подданными. Их принимали в Православие, причем обряд крещения они часто воспринимали как переход в русское подданство. Представители же других народностей, в частности, китайцы и маньчжуры, в том числе те, которые жили на Зее, никогда русскими подданными не считались (что о маньчжурах было прямо оговорено в Айгуньском договоре), поэтому и заниматься распространением Православия среди китайцев и маньчжуров русские миссионеры не могли. Хотя переход китайцев и маньчжуров в Православие никоим образом не возбранялся.
18. *Иеромонах Павел (Ивановский)*. Указ. соч. С. 125.
19. См.: *Прозорова Г.В.* Светом невечереющим... Очерки истории евангелизации корейского населения Приморья 1864 — 1917. Владивосток, 2002. С. 52—55.
20. *Иеромонах Павел (Ивановский)*. Указ. соч. С. 149.
21. *Прозорова Г.В.* Указ. соч. С. 59—60.
22. Там же. С. 60.
23. Там же. С. 63.
24. Там же. С. 19.
25. Первой на линии была выстроена церковь на ст. Эрцендянцизы в 1901 г.
26. При станциях Гунжулин, Ханьдаохэцзы, Цицикар и Маньчжурия.

27. Иверский храм был построен Заамурским округом Отдельного корпуса Пограничной стражи как храм этого корпуса.
28. Церковь при Госпитале Заамурского округа была освящена 24 декабря 1907 г.
29. В 1921 г. должность заведующего Церковным отделом КВЖД была упразднена, благочинный являлся старшим агентом Отдела без содержания от дороги.
30. В самом указе Высшего русского церковного управления за границей от 16/29 марта 1922 г. нет указаний на ходатайства группы православных г. Харбина, но в указе Заграничного архиерейского синода за № 37 от 9/22 октября 1922 г. указывается на ходатайства союзов учителей и железнодорожников (материалы Архива Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии Русской православной церкви за границей).
31. Харбинскому епископу был дан титул Харбинского и Цицикарского, как это видно из указов Высшего русского церковного управления за границей № 214 от 29 марта/10 апреля 1922 г., № 243 от 5/18 мая и № 295 от 8/21 июля того же года.
32. По материалам Архива Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии Русской православной церкви за границей.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. *Архиепископ Мефодий*. По поводу признания Московской Церковной властью Советской власти. Харбин, 1929. С. 45—46.
37. Там же. С. 45.
38. Эту икону советская администрация КВЖД распорядилась удалить с вокзала, но это распоряжение было опротестовано китайской стороной как возмутившее почитавших эту икону местных жителей.
39. По материалам Архива Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии Русской православной церкви за границей.